

Гаянэ и ее магический мир красок

*Ил. 1. Красноволосые сололакские женщины.
1970 г., 90x80. Коллекция В. Ханукаева.*

Искусство – зов природы, доносящийся до нас через людей. Чем большую верность сохраняет человек своей природе, тем более убедительным и волнующим будет его искусство. Именно благодаря этим особым качествам пленяют зрителя произведения Гаянэ Хачатурян, которые приобщают нас к самобытному, волнующему и поэтическому миру.

М. Сарьян.

В наше техногенное, с космической скоростью проносящееся время, казалось бы, уже и не рассмотреть новое явление в искусстве: свежий взгляд, иной, ни на кого не похожий ход мысли, мазок, палитра художника. Но оно проявляется, наверное, потому, что истинное трудно не распознать. Хотя и не только поэтому. Сколько на протяжении всей истории человечества обнаруживается безвестных, но талантливых мастеров. Должно быть, вероятно, особое благоволение, чтобы имя раскрылось, чтобы «сошлись

звезды» и высветили свою новую сестру – Гаянэ. И все. Фамилии не требуется. Она вошла в историю искусства именно так, как входят только большие художники.

Явление в искусстве

Гаянэ Левоновна Хачатурян (1942–2009), армянка по происхождению, родилась и всю жизнь прожила в Тбилиси. Ее творчество условно относят к тифлисской школе художников, атмосферой которой пропитаны творения таких знаменитых мастеров, как Ладо Гудиашвили, Сергей Параджанов, Елена Ахвледиани, Александр Бажбеук-Меликян и др.

Гаянэ – ярчайшая фигура не только армянской, грузинской культуры, но теперь уже можно сказать – мировой. Одна из немногих художников, она получила признание еще при жизни, ее работы есть во многих музеях различных стран, ценнейшими собраниями художницы обладают коллекционеры и частные галереи. Друзьями и поклонниками Гаянэ были Мераб Мамардашвили, Владимир Спиваков, Алла Демидова, Франсуаза Саган, Ив Сен-Лоран, Йоко Оно, Михаил Туманишвили, Отар Иоселиани, Гия Канчели, Евгений Примаков. Ее творчеством восхищались Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Майя Плисецкая, Мартирос Сарьян, Тонино Гуэрра. Особенная дружба и творческая близость связывала Гаянэ с Андреем Тарковским. Всегда желанными собеседниками и гостями художницы были Юрий Любимов, Владимир Высоцкий.

Яркое, не имеющее аналогов творчество Гаянэ Хачатурян – это «результат тифлисской городской культуры, сплава историко-этнографических наслоений, складывающихся и спрессованных веками. Желанность, кокетство, естественная театральность и театрализации “кавказкого” Парижа», его неувядающая красота и неповторимый аромат – несомненно оказали влияние на уникальное воображение Гаянэ, феноменальность которой бесспорна», – отметит искусствовед, директор Музея современного искусства Армении Генрих Игитян¹ [1].

Гаянэ считала, что художник – это не профессия, это образ жизни. Свою жизнь она посвятила живописи и растворилась в ней без остатка, это был один живой организм под названием – *Явление в искусстве*. На алтарь искусства была положена и личная жизнь. Актриса А. Демидова вспоминает первую встречу с Гаянэ так: «Это была не студия, – это была коммунальная квартира. Грязный коридор, ужасная лестница. Все темно, серо, и она такая странная... В этом сером мире вдруг возникли протуберанцы какого-то сияния. Огромные картины с другим миром, с другими

¹ Генрих Игитян – создатель первого музея современного искусства на территории СССР.

красками, совершенно ирреальные, и даже вообще с другой планеты. И тогда я поняла, что она вся в этом мире, реальный мир для нее не существует...» [2]. Жила она, конечно, в общем для всех мире реальностей, адекватно оценивая их, перенося болезни, лишения и страдания, но обладала при этом могучим воображением, была очарована жизнью и ее многогранными переживаниями, имела очень живой нрав.

Живопись Гаянэ – это не только плод ее одаренности, прежде всего – это самоотдача и титанический труд, мощное интуитивно-стихийное начало. Отсюда возможно и необычное восприятие мироустройства и трансформация его в сюжетах картин. Ее творения похожи на вспышки света, в них пульсация ее душевных прозрений, полифония тем и образов, перетекающих друг в друга. И все это языком буйства красок. Цветовидение Гаянэ – это отдельный феномен, она легко и изящно сталкивает труднейшие цвета, добиваясь самоцветного свечения, замечает писатель К. Микаэлян. Ее герои непосредственны и естественны, они полны достоинства и сознания важности своей миссии. Гаянэ писала на самых разных материалах: на холсте и виниловой грампластинке, на деревенском кувшине из глины, металлической вывеске и дверном стекле. «Материя, к которой прикасается рука художницы, рождает чудо преобразования и провоцирует на отзывчивость, на действие, одухотворяя ее вещественность. Она открывается своей тканью – предельно простой и изначальной, как матрица жизни», – пишет искусствовед А. Камышанская [3].

Гаянэ была человеком высокой культуры, глубочайшей духовности, тонкого склада ума. Речь ее отличалась такой же самобытностью, как и картины, а завораживающий певческий голос, говорят очевидцы, был созвучен художественному творчеству. «Погружаясь, палитра уносит меня из мировой акустики. Я выбрала для себя мир странствующей карлицы...», – говорила художница [4]. Гаянэ сочиняла и очень мелодичные стихи, загадочные и прекрасные. Поэтический язык ее образен и изящен. К примеру, о дне своего появления на свет она напишет: «Меня везли к дому, где жили львы, через мост из стеклянных веток вишен. От дома слышалось пение жонглерессы, голос переходил в звук скрипки...» [4].

Страницы творческой биографии

Серьезно заниматься живописью Гаянэ начала с 12 лет. Ее специальное образование началось и закончилось на художественной школе при Художественном училище им. Якоба Николадзе. Училась она в классе талантливого педагога Гугули Курдиани. В 13 лет в ее красочных натюрмортах уже просматривалась одаренность.

Первым учителем Гаянэ в большом искусстве стал известный художник, выдающийся колорист Александр Бажбеук-Меликян, с которым ее судьба свела в 1962 году. Именно он открыл в ней яркий художественный талант и крайне не рекомендовал получать дальше профессиональное академическое образование, считая, что тем самым можно погубить изнутри идущее неординарное мировосприятие ученицы. Бажбеук-Меликян всегда помогал и поддержал Гаянэ. Его влияние на творчество Гаянэ было очень велико, но при этом ни одна картина художницы не напоминала полотна ее наставника. Отец Гаянэ, не понимавший одержимость дочери живописью, сам, будучи рабочим, но всю жизнь в душе прослужившим музыке, перед смертью, как рассказывает искусствовед Т. Зурабян, захотел узнать мнение Бажбеук-Меликяна, станет ли его дочь настоящей художницей, на что мастер ответил, что станет, обязательно станет большой художницей [5].

Художественные науки Гаянэ постигала сама в библиотечных залах. Она не только изучала искусство, круг ее увлечений, как рассказывают друзья, был необычайно обширен: от древнекитайской поэзии и Лукиана – до Монтеня, Кафки, Эдгара По, от Монтеверди и Баха – до джаза и музыки Нино Рота и Эндрю Ллойда Уэббера, от Чарли Чаплина – до Феллини и Тарковского. С юности Гаянэ боготворила Комитаса², который оказал большое влияние на ее творческую самобытность. Она очень высоко ценила музыку, особенно же армянскую народную песню, с детских лет пела в церковном хоре.

У истоков творчества Гаянэ были и мощные родовые корни. Ее прабабушка по материнской линии происходила из древнего зокского рода полурастворившейся армянской ветви, с архаическим языком и собственной историей. Никогда не видя ее, трехлетняя девочка нарисует куклу, которая точь-в-точь окажется портретом прабабушки. Ее образ, их духовная связь пройдет через все творчество художницы. А сама Гаянэ рассказывала, что всегда чувствовала связь с предками, как будто видела их рядом, особенно во время работы. Незабываемые рассказы матери об их древней малой родине – Агулисе (Нахичеванская область), необычайной доброты и кладезе народной культуры – бабушке, навсегда оставят след в творчестве Гаянэ. Художница теперь уже сама станет проводником древней силы и национальной культуры своих предков. Поэтому неслучайно она скажет: «Все мои персонажи – армяне», хотя искусство ее уже давно вышло за пределы родины, получило признание повсюду и не

² Комитас (Согомон Геворгович Согомонян, 1869–1935) – армянский композитор, хоровой дирижер, певец, фольклорист; основоположник армянской классической многоголосной музыки и армянской научной музыкальной этнографии.

имеет явных подчеркнутых национальных мотивов. А еще к учителям Гаянэ относилась мать. Почти 30 лет прикованная к постели, она научилась не просто понимать живопись дочери, а провидеть ее и верно указывать на слабые места ее картин.

Среди экзаменаторов и наставников Гаянэ была также авторитетный педагог и прекрасный художник, создатель живописного облика старого Тбилиси Елена Ахвледзиани. В ее доме Гаянэ познакомилась и с великим С. Параджановым, который был изумлен мерой глубины и необыкновенным природным даром молодой художницы. С тех пор Параджанов как новую планету открывал живопись Гаянэ для своих друзей. Он одаривал знакомством с ней самых высоких гостей, приезжавших в Грузию. Благодаря Параджанову состоялась первая, хотя и не официальная персональная выставка художницы в Армянском Доме работников искусств. Дальнейшие попытки мастера организовать тогда персональные выставки неординарной художницы в Киеве, Ереване, Москве, к сожалению, не увенчались успехом. Параджанов считал, что это временное непризнание, а чуть позже назовет Гаянэ самым большим художником второй половины XX века. А сама Гаянэ напишет в своем дневнике: «Когда-то, в белое утро, я встретила Сергея Параджанова, в небе все прошептало ярким цветком, служа нам аккордом в своем понимании. Душа задержалась в горящих, желтых грушах на белой тарелке. Он подарил мне нежность и хрупкость универсального мира...» [2].

К своим учителям Гаянэ также относилась Мартироса Сарьяна, отмечая в его творчестве мощное здоровое начало. Сам же мастер, потрясенный картинами начинающей художницы (ей было тогда 20 лет) скажет: «Искусство – зов природы, доносящийся до нас через людей. Чем большую верность сохраняет человек своей природе, тем более убедительным и волнующим будет [его] искусство. Именно благодаря этим особым качествам пленяют зрителя произведения Гаянэ Хачатурян, которые приобщают нас к самобытному, волнующему и поэтическому миру» [2].

Не бесследно для художницы прошло и близкое ей по духу творчество Пиросмани. Очень стремилась Гаянэ познать столь притягательный тайный код картин Босха. Завораживали ее и картины Шагала. Она говорила, что он «словно раздает людям своих необычных быков, лошадей, живые цветы. А потом уносит зрителя в свой сад, где на крышах сверкают скрипки в ожидании музыкантов» [5]. Самого же Шагала Гаянэ называла мудрым старцем. Очень ценила Матисса, Руссо (Таможенника). За неповторимый красный цвет обожала средневековую армянскую миниатюру.

Близки по духу Гаянэ были и Де Кирико и Сальвадор Дали. Так, в ее программной картине с, казалось бы, незамысловатым сюжетом – «Белый двор» (1969), присутствует тема вечности. Эта тема красной нитью пройдет через многие другие картины художницы; зазвучит она и в более поздней работе «Серебристая всадница» (1980).

Ил. 2. Актёры-комедианеры. 1986 г., 30 х 60.

По мнению А. Камышанской, связи с художественными прецедентами в истории искусства наводят на мысли об увлечениях Гаянэ творчеством Пармиджанино, Франциско Гойи, прерафаэлитов, Поля Сезанна, Пабло Пикассо, Макса Эрнста [3]. Так, в работе «Актеры-комедионеры» (1986), где запечатлены одиночество и актерская трагедия, наблюдаются мотивы «Жиля» Антуана Ватто, а в графической работе «Танцовщица с маской и голубой птицей» (1994) узнается Гойя.

Невидимая нить судеб, личных и творческих, до конца жизни связывала двух выдающихся художниц современности: Гаянэ и Фриду Калло.

Вехи творчества

Начальный период творчества Гаянэ искусствоведы характеризуют как классический, но вскоре ее увлекут глубины архаичного искусства, его загадочность и символичность. Поэтому неслучайно ранние работы художницы связывают с наивным искусством, поздние – с примитивизмом. Уже в этот период появляются картины, вызвавшие успех и высокие оценки художников («Луна-камень», 1967 и др.).

Ил. 3. Луна – камень. 1967 г. Коллекция В. Ханукаева.

Однако двери выставочных залов были для нее еще закрыты. Это были годы не только художественных поисков, но и трудного семейного испытания. Ухаживая за прикованной к постели матерью, она зарабатывала на жизнь и лекарства, как правило, тяжелыми физическими разовыми работами. При этом многие свои картины она не продавала, а просто дарила друзьям и ценителям ее искусства.

Имя Гаянэ стало известным не сразу. Всеобщее внимание творчество художницы начинает привлекать в начале 1970-х годов. Ее картины к этому времени носят уже выраженный индивидуальный характер. Под стать личности автора, в них становятся заметными элементы неожиданности, тайны («Красноволосые салалакские женщины», 1970; «Натюрморт», 1970).

Ил. 4. Натюрморт. 1970 г., 75 x 106. Коллекция В. Ханукаева.

Критики в тот период отмечали также появление у Гаянэ широких цветовых объемов, превращавших полотна в сценическое пространство, приближенное к фрескам. Искусствовед Т. Зурабян в своей книге о современных художниках напишет: Гаянэ «Блистательная! Именно блистательная! Иначе не назвать художницу, сотворившую это чудо – мир озарений, блеска. Где все необычно и в то же время – обычно. И блистательность не в сюжете изображаемого – роскошь и мишура претят ей, а в самом ее таланте, умение превратить самое обычное, повседневное в зрелище, театр. И даже в картинах, связанных с воспоминаниями о тяжелой болезни, овеванных грустью, выраженной в приглушенной гамме, нет-нет, да и вспыхнет искорка этого блистательного» [5]. Люди, пейзажи и вообще сама жизнь во всех проявлениях, пусть даже в самых тяжелых, по Гаянэ, должны быть преображены красотой и изяществом. Вот женщина в красном платке играет на шарманке, полностью погруженная в музыку. За спиной у нее, буквально на глазах зрителя, вырастает огромная летящая птица, и сама шарманщица, плененная музыкой, тоже вот-вот воспарит («Шарманщица и летящая ночь», 1970). «Фантазия беспредельна, – говорит Зурабян, – но попробуй передать ее в красках так, чтобы это стало большой живописью, сохранить меру, тем более, что ты порывист и импульсивен» [5].

Размышляя над своим творчеством, Гаянэ скажет, что она станет настоящим художником только тогда, когда будет больше писать нутром, достигнув слияния разума и прочувствованного [5].

В середине 1970–1980-х годов в творчестве Гаянэ наблюдается новый взлет. Поиск собственного пути в живописи, изломы личной жизни – все это приводит ее к созданию иного видения окружающего, формированию своего внутреннего зрения, отличного от других. В этот период и зарождается ее творческий метод, который она назовет магическим реализмом. В 1979 г. на выставке в Доме Юстиции в Париже Марк Шагал, увидев картины Гаянэ, даст очень лестную оценку представленным картинам, сказав: «Гаянэ обогнала художников на столетие. Она недосягаема!» [6]. Критики отметили тогда неожиданный поворот в ее творчестве, сопровождающийся взрывом форм, цветов, сюжетов. Для достижения выразительности своих образов она намеренно деформирует объемы, нарушает пропорции, вносит элементы близкой ей по духу символики, формы становятся более условными, экспрессивными. В картинах появляется внутренний динамизм, накал сюжета. «В природе больше всего люблю медленный бег белой лошади, сидящую кошку, танцовщицу (балаганный танец)», – скажет Гаянэ своей близкой знакомой и писательнице И. Уваровой [2]. Своих кошек она наделяет необычной силой и расцвечивает в синие или золотисто-красные цвета. «Композиционно очень сложные, многослойные картины Гаянэ населяют разные животные, но склонную к мистицизму душу волновали коты, медузы и черепахи. Они виделись ей древней могучей силой, о которой все давно забыли в суматохе торопливого времени. Реальность, время, сон, пространство были для Гаянэ категориями зыбкими. Она верила, что где-то там, в космическом поле Вселенной, существует сила, которая направляет ее, дает знания, ныне забытые человечеством. Гаянэ было открыто скрытое от нас» [4]. Первым это понял Сергей Параджанов: «Гаянэ – шаманка, она Оракул, глашатай непознанных стыков цвета и пластики. Она само колдовство» [4].

*Ил. 5. Шарманица и летящая ночь.
1970 г., 68 x 94,5. Коллекция В. Ханукаева.*

Гаянэ считала, что картина должна двигаться, когда на нее смотрят. И действительно, глядя на ее картины, кажется, окунаешься в какую-то живую материю. Изображенное на них меняет форму, объем, бесконечно расширяясь, множась и углубляясь в своей сути. Ее любимые лошади вместе с наездницами настолько подвижны, что, кажется, вот-вот перешагнут за рамки холста («Белая карусель», 1978; «Вуаль вино», 1978).

Ил. 6. Белая карусель. 1978 г. Коллекция МИД Армении.

Волосы ее таинственных «жонглересс» подобны шелесту садов на ветру, складки их одеяний – это ступени лестниц, ведущих в небо [3]. В картине «Встреча ангела с плавающей ночью, или Встреча плавающей ночи с ангелом» (2000) по веерообразным стенам дворцов, раскиданных на гористом ландшафте, как по лестнице, неслышно соскальзывает ангел, ведя таинственный диалог с плавающей ночью. Красный двор («Красный двор со стеклянным солнцем», 1998), отмечают критики, у нее сливается со стеклянным солнцем, вуаль – с черным вином, невиданные грустноглазые звери – с повозками-прялками, а карусельный спуск – с летящим утром. Как видим, многие ее картины пронизывают лестницы, символизирующие отсутствие границ во времени и пространстве.

Тему движения энергий в творчестве Гаянэ отмечают также практически все искусствоведы. Умение передать невидимое, заставить зрителя замереть заворуженным перед холстом, как будто это он, зритель, открывает нечто потаенное и невозможное для обыденного понимания. В этом, вероятно, и есть одно из высших проявлений магии художника, когда он, его полотно и зритель составляют единый энергетический сгусток. «Ее фигуративный, одновременно ирреальный мир, переполненный странными существами, размещенными в не менее странной атмосфере, не назовешь ни метафорическим, ни сюрреалистическим. Скорее всего это необычайно поэтичный, безудержно фантастический реализм, активно ворвавшийся в красочные полотна и настолько художественно оправданный, что правомочность его длительного шествия не вызывает сомнения», – резюмирует Г. Игитян [1].

Персонажи картин Гаянэ на первый взгляд необычны для непосвященного зрителя, звери мудры и гармонично сосуществуют с человеком, природа полна внутреннего дыхания; ее холсты переполнены странными ритуальными шествиями, мифологическими сюжетами, карнавальными образами. Среди образов художницы – ее детские воспоминания: театрализованный сад Муштаид, куда ее водила мама, – с представлениями, каруселями, слепой девочкой, которая навсегда станет прообразом ее ангелов («Мост слепого ангела» и др.). Она писала бесконечные, причудливые шляпки, так пленившие Ив Сен-Лорана во время его посещения Гаянэ. Они, как и многие другие атрибуты ее образов, тоже пришли из детства. Любимый головной убор ее мамы, шляпы, давали маленькой Гаянэ пищу для игры воображения. Вероятно, отсюда тянется ниточка и к ее барочным дамам в шляпах и кринолинах. И, как признавалась

сама Гаянэ, во всех слоях ее живописи присутствует образ самого дорогого и близкого для нее человека – мамы. Гаянэ назовет ее своей внутренней живописью, и признается, что без нее она не может написать ни одну работу.

Одним из ведущих в творчестве Гаянэ станет женское начало. Как древний образ земли, оно перекликается у нее с символом мироздания, творения всего сущего. Так, в картине «Арарат» (1967) женщина и библейская гора, которой суждено было стать пристанищем для Ноя и его ковчега, становятся одним образом. Именно женщина здесь, констатирует искусствовед Камышанская, гарантирует устойчивость нашей реальности, утверждая новую «нелинейную» гармонию [3].

Картины Гаянэ театрализованы, что тоже не случайно. Гаянэ часто говорила: «Мое пространство – театр». И действительно, пространство ее картин очень сценично: оно многослойно, в нем много переходов, арок, ворот, часто напоминающих изощренные декорации. Очень любила Гаянэ зеркала; по ее мнению, они давали бесконечную глубину. На подмостках ее «театра» разыгрывались, как отмечают искусствоведы, радужные спектакли с необыкновенно симпатичными созданиями. Эта театральность, считают тбилисцы, рождена самобытностью и красотой Тифлиса. По признанию художницы, этот город, которому она останется верна до конца своих дней, был ее единственной вдохновенной средой для творчества и одним из любимых образов. «Я снимаю шляпу каждый раз, когда хожу по городу, по берегу Куры, приближаюсь к движущимся горам Тбилиси, и преклоняюсь перед его храмами. Это для меня не город, это для меня театр – театр живописи». Свою живопись она называла своим скелетом, своей кожей, «пронизанной ощущениями и предчувствиями, наполненной магическими образами, молитвами, медитацией, ворожбой с красками» [7]. Она считала, что в Тбилиси лучший в мире свет. А любимым городским цветом и материалом были красный кирпич и металлическая решетка, дающие вместе, по мнению художницы, неповторимое сочетание. В ее картинах, замечают искусствоведы, запечатлелась энергетика многих поколений тбилисцев. Городскую среду любимого Тифлиса, отмечает Д. Андриадзе, она представила карнавальная инверсией «высшей» культуры, создав свой, авторский образ города. Гаянэ назовет его «городской прялкой» [8].

Прялка, древнейший архаический символ, станет одним из центральных мотивов ее творчества, подчеркивающих его самобытность. Она не только символизирует

городскую суету, – «в ее слоях, – напишет А. Камышанская, – присутствуют вечные странники, “странствующие комедианты”, клоуны и клоунессы, жонглеры и жонглерессы, бродячие актеры, живущие в мире цветов и плодов и подверженные действию страдательного залога, то есть состоянию сверхличных сил и энергии». Так, в картине «Городская прялка» (2004) прялка предстает в виде огромного фонтана, воды которого несут «творческую радость, барочную избыточность и артистическую непосредственность комедии Дель Арте» [3].

Сама **Гаянэ** скажет: *«Стремлюсь, чтобы моя живопись была жизнеутверждающей, не люблю бескровного, наносного. Хочется, чтобы везде была жизнь, пусть порою изведенная лишь мною, но всегда – жизнь»* [5]. И ее персонажи тому подтверждение. По признанию художницы, она не любила писать с натуры, потому что образы реальные и созданные по ее видению мешали друг другу. В сочетании же они давали таинство.

Описывать, пересказывать сюжеты Гаянэ почти невозможно, они очень условны и наделены глубочайшей символикой. По ее картинам нужно бродить, возвращаясь вновь и вновь, открывая при этом всякий раз новые планы, образы и все глубже погружаясь за художницей в мир ее обаятельной, поэтической, необыкновенно душевной и почти сплошь светлой реальности. Владимир Спиваков замечает: «Магия подлинного искусства Мастера заключается в том, что вы никогда не расстанетесь с его творчеством, один раз приблизившись к нему. Высокая духовность Гаянэ, способность к обобщению, необыкновенная фантазия, грезы о любви, столь редкие в наше время, обращение ко всем и каждому в отдельности [оставляют] незабываемое художественное впечатление» [2]. Названия ее картин говорят о созданных ею мирах – «Шествие апельсинового дня», «Слон – пурпуровый смычок», «Шорох черной сливы», «Арфовая ночь синего ореха», «Сон ветра», «Желтые гранаты», «Танцовщица с барсом», «Актер, бабочка и шепот».

Ил. 7. Городская пряхка. 2004, 50 x 70. Коллекция В. Ханукаева.

Художественный критик В. Пацюков, характеризуя творчество Гаянэ, напишет: «Ее образы заклинательны, как вещая речь поэта, они длятся, как долгое эхо, обрастая смыслом. Гаянэ одаривает нас той первоосновой жизни, которая и составляет содержание припоминаний, извлекаемых из хаоса, зыбкости сна. <...> Все эти немые ощущения, что заложены в ее именах-образах, создают еще один феномен художницы – феномен дословесного языка, ветхозаветного первосмысла. <...> Они не говорят – они видят, но видят особым тактильным зрением. Они отмечены повышенной информативностью, но не событийной, а сакральной плотностью переживания, магической сосредоточенностью. Эта праорганика искусства Гаянэ не исчерпывается осязательным аспектом. Слуховой словарь художницы удивительно многообразен – здесь звучит шелест листвы и пение птиц, шум ветра и протяжные голоса животных, шорох песка и “бормотанье” камня, здесь рождаются первые закономерности гармонических ладов, здесь пробуждается мелос, претворяя хаос в космическую полифонию и возвращаясь в звуках шарманки» [2].

Творения художницы назовут настоящими лукулловыми изобразительными пирами, насквозь пронизанными калейдоскопическими бесконечными переливами цвета и персонажей.

Признание

Картины Гаянэ разошлись по всему свету, они украшают престижные галереи и частные собрания Италии, Голландии, Грузии, Франции, Армении, России, Израиля, Австрии, США. Сегодня иметь произведения искусства признанного мастера стремятся известные коллекционеры и крупнейшие музеи мира.

Ее работы заняли подобающее место в альбоме «Лучшие армянские художники века», изданном в Париже. О творчестве художницы есть фильмы: «Гаянэ», режиссер Юрий Ерзнкян (1971), с предисловием народного художника СССР Мартироса Сарьяна; «Голубой ветер, запах миндаля», режиссер Рубен Геворкянц (1978); «Я – Гаянэ из Тифлиса», режиссер Левон Григорян (2006). Тонино Гуэрра тоже снял о ней фильм. При ее жизни был открыт Международный фонд Гаянэ.

В России Гаянэ была впервые представлена в 2001 г. персональной выставкой и коммерческим проектом галереи «Дом Нащокина» «Я – Гаянэ из Тифлиса» и сразу получила признание как большой художник. Искусствовед Паола Волкова пишет: «Мы тогда увидели таинственную магму живописной материи, из которой лепятся фантазии Гаянэ» [9].

В 2008 г. был организован литературный вечер, посвященный Гаянэ, и выставка ее работ в Москве, в Государственном Доме-музее Марины Цветаевой. Далее картины художницы экспонировались на многих других международных, российских, групповых выставках. Выставки ее работ проходили в Лиссабоне, Лионе, Марселе, Париже.

Смерть как продолжение жизни

Раздался щелчок, и после длинного тире выскочила вторая цифра. Вторая и последняя – год смерти 2009. А между двумя цифрами – отпечаток вечности. Мимолетность, живое движение, перелив оттенка и жеста уловлены острием грифеля, пера, кончиком кисти.

Людмила Улицкая

Гаянэ Левоновна Хачатурян скончалась 1 мая 2009 г. на 67-м году жизни в Тбилиси после тяжелой болезни. Похоронили ее в Пантеоне великих армянских писателей и общественных деятелей «Ходжеванк» в Тбилиси.

«Душа ее осталась жить в картинах, пусть ирреальных, не подвластных ни здешней оптике, ни здешней географии, но все же невыразимо прекрасных», – скажет искусствовед Нора Кананова [4]. А кто-то из почитателей Гаянэ напишет: «Она вобрала в себя звуки и краски различных культур и создала свою ни на что другое не похожую культуру. За ее волшебной красотой внимательный зритель увидит овеществленные мысли о людях, о мире, о духовном пространстве, о некоей всеобщей любви. <...> Как виртуозный парфюмер-колорист она синтезировала запахи, звуки и краски и дала своим зрителям-почитателям возможность легко и с удовольствием окружить себя шорохом слив, плодами голубой айвы, радужными всполохами зеркал, дамами в шуршащих кринолинах и ласковыми, ручными барсами и слонами. В ее театре-планете царят мир и красота, ее закулисье – ее зазеркалье со множеством страстей, но без конфликтов. Каждая картина, каждый рисунок – цветной или черно-белый – частица ее человеческой и художнической души и совести, которые навсегда остались незапятнанными».

Посмертно работы Гаянэ представляли Армению в числе самых интересных художников современности на 53-й Всемирной Венецианской художественной биеннале 2009, продемонстрировавшей неподдельный интерес мирового художественного сообщества к ее работам. В 2009 г. в память о талантливой и загадочной художнице современности прошла выставка ее картин в одной из художественных галерей Москвы. Заставками к ней стали цитаты из многих высказываний деятелей культуры и искусства о Гаянэ. Одна из них гласила: «Вся Гаянэ – здесь. Потому что в жизни ее не было ничего, что не воплотилось бы столь причудливым и ненадежным способом, что не отразилось бы на холсте и на бумаге. Мало кому удается с такой полнотой реализоваться. Смотрите – все здесь, на ее картинах» (Людмила Улицкая). В апреле 2010 г. в Национальной Галерее Армении состоялась персональная выставка Гаянэ, посвященная годовщине ее памяти. Международным фондом ее имени проводятся выставки во многих городах России и за рубежом.

К настоящему времени написан ряд статей об искусстве Гаянэ, но ее картины ждут и достойны фундаментальных научных трудов, хотя писать о ней так же трудно, как и описывать ее картины. Как сказал первый исследователь ее творчества Т. Зурабян, «художники, подобные ей, не становятся родоначальниками “измов”. Они не оставляют воспоминаний, эпистолярных наследий, изложенных концепций,

исследований. Слишком много в них от интуиции, стихийного начала, извечного беспокойства, чтобы теоретизировать. Они, скорее, метеоры и творчество их – вспышки» [5].

PS, или Роль коллекционера Валерия Ханукаева в судьбе Гаянэ

«То, что с пылью тбилисских улиц Гаяне вдыхала воздух единый для всего света, а, бросая взгляд на изгибы Куры, грезилась образами культуры мировой, одним из первых заметил Валерий Ханукаев. История этих двух имен тесно сплелась в параллельно развивавшейся судьбе художника и донатора, мастера и коллекционера» [3].

Как всякий образованный человек, успешный московский предприниматель В. Ханукаев не был безразличен к искусству, но по-настоящему заболел им одновременно. Однажды увиденная им картина Гаянэ «Реквием» перевернула все его сознание и заставила в целом переосмыслить отношение к живописи. У него появилась необъяснимая потребность иметь картины Гаянэ, приблизиться к творчеству незнакомой тогда еще художницы. «Имя Гаяне Хачатурян не вписано в контекст актуального искусства, – пишет А. Камышанская, – но для коллекционера Валерия Ханукаева личный контакт и родство душ оказались важнее похвалы критиков и аукционных рекордов. Творчество Гаяне покорило его своей заряженностью на добро, чистоту мира без грязи, пошлости и мусора человеческих отношений» [3]. Это было сначала. А потом – поездки в Армению, Грузию. Поиски картин Гаянэ, приобретение их, знакомство с людьми, знавшими художницу, в конечном итоге и с самой Гаянэ.

В. Ханукаев стал не только коллекционером творчества одного автора, что уже само по себе редкость, но настоящим ценителем творений Гаянэ, помощником и добрым ангелом художницы. После Параджанова, только Ханукаева она называла по имени отчеству – Валерий Барухович, будучи много старше своего покровителя.

Собиратель обладает не только прекрасной коллекцией ее картин, но и немалым информационным банком сведений о художнице, состоящим из записей бесед с ней, ее размышлений об искусстве, фотографий, иных документов о жизни и творчестве. Как настоящий теперь уже и биограф Гаянэ, он продолжает кропотливо разыскивать любые свидетельства о художнице. И навсегда запомнит размышление-пожелание художницы о коллекционировании как явлении. Именно коллекционирование она связывала собственно с коммерцией. Людей же, по зову души приобретающих произведения

искусства, она предпочитала называть собирателями. Таковым Валерий Барухович Ханукаев стал и остался верен этим принципам до конца.

Как это бывает, порой, с настоящими коллекционерами, он вырос и до искусствоведа. Словно «музейный гид с колоссальным стажем, Ханукаев начинает рассказывать, а ты понимаешь, насколько он много знает, как глубоко проник в предмет. Он выставляет одну картину за другой. <...> Всей глубины замысла ты понять пока еще не способен, для понимания нужны годы, нужна работа души и знания», – напишет после беседы с Ханукаевым журналист Мишиев [10]. На становление В. Ханукаева на новом поприще большую роль сыграло знакомство, а потом и тесное общение с известным армянским искусствоведам Г. Игитяном, заведующим отделом экспериментальных программ ГЦСИ В. Пацюковым, художником Б. Мессерером, художником-постановщиком театра и кино Т. Тэжиком, а также тесная личная и, теперь уже, профессиональная дружба с действительным членом Российской Академии художеств Н. Никогосяном, академиком И. Уриловым и писателем Э. Тополем.

Коллекционер трепетно относился и к самой Гаянэ, их связывала очень трогательная дружба. Он пытался помочь ей, когда она тяжело болела, да и не только, художница курировала его в формировании коллекции, рекомендуя, что купить, где и у кого.

Однажды личная жизнь самого коллекционера сделает такой драматический вираж, что картины Гаянэ станут для него не только открытием художника, но и болью, и отрадой. Потеряв двух своих сыновей, он полностью, со всем пылом горской природы положит теперь уже себя на алтарь искусства и творчества Гаянэ.

При его активнейшем участии картины художницы были представлены на Венецианской биеннале.

Это им, совместно с Министерством культуры Армении, еще при жизни художницы и с ее согласия создан в Москве Международный фонд Гаянэ (2008). Миссия фонда – популяризация творчества Гаянэ и введение его в мировой художественный контекст. В состав Фонда вошли: академик А. Гарин, писатель Э. Тополь, искусствовед В. Пацюков, кинорежиссер Л. Григорян и другие. Фонд занимается изучением жизни и творческого наследия художницы, организацией и проведением выставок в России и за рубежом, издательской деятельностью, созданием и поддержкой электронных информационных ресурсов о Гаянэ в Интернете, также

разработкой благотворительного проекта с присвоением специальных стипендий лучшим студентам художественных вузов. При Фонде создан Попечительский совет, членами которого стали выдающиеся люди современности: Б. Мессерер, Т. Тежик, Э. Тополь и многие другие.

В планах Фонда составление полного каталога всех работ Гаянэ, организация некоммерческих выставок, подготовка книги о творчестве Гаянэ, издание ее стихов, размышлений об искусстве, аудиозаписей с пением. Фонд готов содействовать съемкам телепередач, посвященных Гаянэ, помогать и принимать участие в создании нового фильма о ней. В настоящее время уже идет работа по подготовке фундаментального ретроспективного альбома с комментариями художницы к картинам, ведь многие ее полотна имели особенные истории. В планах и издание отдельного альбома графики. Готовится цикл мероприятий, посвященных дружеским и творческим связям Гаянэ и С. Параджанова с ретроспективой фильмов Параджанова.

Наряду с изобразительным искусством, Фонд намерен популяризовать и уникальную поэзию Гаянэ, читать лекции о ее творчестве и проводить встречи с известными мастерами искусств.

Одна из приоритетных задач Фонда – создание музея Гаянэ в Москве с постоянной экспозицией картин, графических композиций, документальных свидетельств о жизни и творческом пути этой талантливой и необычной личности [11].

Список литературы:

1. *Микаэлян К.* Мир Гаянэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gayanefoundation.com> (дата обращения: 10.02.2011).
2. *Гаянэ.* Каталог. – М.: Галерея «Дом Нащокина», 2001.
3. *Камышанская А.* Единая прялка судеб // Искусство. – 2009. – № 6.
4. *Кананова Н.* Театр леопардовой струны. Акт последний... // Новое время. – 2009. – № 1735.
5. *Зурабян Т.С.* Несмолкаемое эхо // Гаянэ. – Ереван: Айастан, 1976.
6. *Ханукаев В.* Гаянэ. Биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gayanefoundation.com> (дата обращения: 13.02.2011).
7. *Кананова Н.* Гаяне, жизнь после смерти // Голос Армении.– 2010. – 29 апр.

8. *Андриадзе Д.* Солнце мертвых, или Прялка блуждающих снов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ccrghouse.ge/uploads/KA5.pdf> (дата обращения: 11.04.2011).
9. *Волкова П.* «Магический кристалл» // Эксперессия духа: Живопись. Скульптура. Графика. – М.: Галерея «Дом Нащокина», 2006.
10. *Мишиев Й.* Валерий Ханукаев и его Гаянэ // Мирвори. Литературно-публицистический альманах. – 2010. – № 7.
11. *Ханукаев В.* Фонд Гаянэ Хачатурян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gayanefoundation.com> (дата обращения: 03.02.2011).

Сведения об использованных иллюстрациях:

Ил. содержания. Портрет Гаянэ Хачатурян. А. Бажбеук-Меликов, 1965 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.mecenat-and-world.ru> (дата обращения: 15.01.2011).

Ил. 1. Гаянэ Хачатурян. Красноволосяе сололакские женщины. - Предоставлено МФГ 27.05.2011.

Ил. 2. Гаянэ Хачатурян. Актеры-комедианеры. – Предоставлено МФГ 27.05.2011.

Ил. 3. Гаянэ Хачатурян. Луна-камень – Предоставлено МФГ 27.05.2011.

Ил. 4. Гаянэ Хачатурян. Натюрморт. – Предоставлено МФГ 27.05.2011.

Ил. 5. Гаянэ Хачатурян. Шарманщица и летящая ночь. – Предоставлено МФГ 27.05.2011.

Ил. 6. Гаянэ Хачатурян. Белая карусель. – Предоставлено МФГ 27.05.2011.

Ил. 7. Гаянэ Хачатурян. Городская прялка. – Предоставлено МФГ 27.05.2011.

Источник: *Культура в современном мире. — 2011. — № 3. — [Электронный ресурс].* — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>